

ПРОСАХАЛИНЕННЫЙ

Авченко Василий Олегович,
приморский журналист,
обладатель литературной премии
Ильи Кормильцева за книгу
«Правый руль»,
книги автора попадали в
шортлисты престижных премий
Нацбеста и НОСа,
в лонглист Большой книги

Сахалин – самый большой русский остров. «Остров Сахалин» – самое большое произведение Чехова, отличающееся от других и формально, и содержательно. Оно стоит особняком и, возможно, именно поэтому кажется недопрочитанным до сих пор. Хотя со времени великой сибирской поездки Чехова прошло уже 125 лет...

Поездка: «Как будто я собираюсь на войну»

Таганрогско-московско-мелиховско-ялтинский Чехов куда более дальневосточен, чем может показаться. Его интерес к тихоокеанской России – давний и неслучайный. Он с детства любил гончаровский «Фрегат «Паллада», а в 1888-м написал проникновенный некролог на смерть Пржевальского, путешествовавшего в том числе и по восточным пределам империи. Прочитруем этот некролог, важный для понимания и чеховских взглядов на жизнь, и смысла его сахалинского похода: «Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно... Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что кроме людей, ведущих споры об оптимизме и пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешёвые диссертации, развратничающих во имя отрицания жизни и лгущих ради куска хлеба, что кроме скептиков, мистиков,

психопатов, иезуитов, философов, либералов и консерваторов, есть ещё люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно сознанный цели». Не некролог – программа жизни.

Задолго до Сахалина Чехов был «одальневосточенным». Продолжив Пржевальского, он в некотором смысле предвосхитил Арсеньева. Именно Чехов по-настоящему присоединил Сахалин к России, связав далёкую и почти неизвестную землю с нервом и культурой большой страны.

Духовное освоение территории ещё важнее, чем её административное присоединение. Чехов создал один из первых мифов о российском Дальнем Востоке, тем более ценный благодаря своей документальности.

В России сильная школа тюремной литературы. Сидеть в тюрьме плохо, но когда писателя сажают – для него и для литературы это бывает хорошо (звучит почти кощунственно). Если, конечно, писатель остаётся жив...

Чехова никто не сажал. Он поехал на каторгу сам. Как пел по другому случаю Высоцкий в одной из своих «магаданских» песен, «его не будет бить конвой – он добровольно, он добровольно...».

Безусловно, то были другие времена. Чехова на Сахалин пустили довольно легко – а попробуй поезди по колымским лагерям 1940-х или хоть по нынешним учреждениям ФСИН. Запрещали общаться с политическими – но этот запрет Чехов спокойно нарушал, на что, похоже, начальство закрывало глаза: предупредили – и ладно (интересно, что при Чехове на Сахалине было около 40 «политических», а всего на 1 января 1890 года на острове числилось 5905 каторжан).

Сегодняшнему Чехову пришлось бы сложнее – но что-то и не рвётся никто на наши сахалины.

Да и тогда не все отнеслись к чеховской идее с пониманием. Многие посчитали её «ненужным делом» и «дикой фантазией». Даже издатель А.С. Суворин писал Чехову: «Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен». Тот возмутился в ответ: «Не

ИМЕНА И ДАТЫ

далее как 25-30 лет назад наши же русские люди, исследуя Сахалин, совершали изумительные подвиги, за которые можно боготворить человека, а нам это не нужно, мы не знаем, что это за люди...».

Для самого Чехова решение тоже было, мягко говоря, непростым. В предсахалинских письмах он словно прощается с близкими: «Такое чувство, как будто я собираюсь на войну»; «Быть может, никогда уже не вернусь...». Чехов совершил самый настоящий подвиг – и в смысле выдающегося достижения, и в контексте традиций русского подвижничества, и даже в том прямом смысле, что двинулся на край света, да ещё на социальное дно.

До Сахалина 30-летний писатель добирался на перекладных более 80 дней (жюльверновские герои за тот же срок объезжали весь мир – а тут попробуй через Россию проедь, не увязнув). Обрато ехал через Владивосток и южные моря – до Одессы. Время, затраченное на дорогу, следует приплюсовать к проведённому непосредственно на Сахалине трём месяцам и двум дням. А если добавить подготовку к поездке (моральную и книжную), последующую работу над книгой и «постсахалинский синдром», то станет очевидно: под знаком Сахалина Чехов прожил отнюдь не только 1890 год.

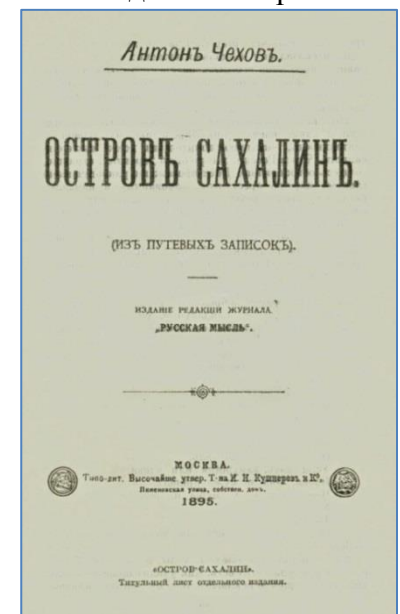
Порой говорят, что и свой роковой туберкулёз Чехов подхватил именно на Сахалине. Есть убедительные данные о том, что он болел с юности, но эта непростая (в том числе и в бытовом плане) сибирская поездка на его здоровье, вероятно, действительно сказалась.

Для жителя средней полосы России, не говоря об иностранце, Сахалин и сейчас – экзотика. В конце XIX века, когда дальневосточные края только-только стали российскими, – экзотика в квадрате, медвежий угол, нечто потустороннее. Поездка на Сахалин была погружением в преисподнюю. Продолжением опыта Данте – только ад здесь оказался невыдуманым.

Чехов ехал изучать не одну каторгу, но Сахалин как таковой. Его записки – не только «социально-нравственные», но

«естествоиспытательские». Он открывал России только что обретенный ею Дальний Восток и для этого сначала открывал его для себя. Если не брать очень специфичные записки мореплавателей, которые сложно числить по разряду литературы (хотя их форма, вероятно, повлияла на жанровые особенности чеховской книги), то русский Сахалин Россия впервые увидела именно глазами Чехова. Он описывает всё: громадные лопухи, которые «придают здешней чаще, лесным полянам и лугам оригинальную физиономию», пробковое дерево – теперь оно зовётся амурским бархатом. Дикий виноград, черемшу – дикий чеснок, корюшку – «огуречника» (пахнет свежим огурцом), «чиримсов», то есть креветок. С особым чувством – комаров: «Было темно от них, лицо и руки мои жгло, и не было возможности защищаться. Я думаю, что если здесь остаться ночевать под открытым небом, не окружив себя кострами, то можно погибнуть или, по меньшей мере, сойти с ума». В чеховские времена на Сахалине встречался тигр (теперь тигры – практически монополия Приморья, хотя в соседнем Хабаровском крае они тоже водятся, в том числе на гербе).

В этой части Чехова можно рассматривать как тематическую и жанровую предтечу Арсеньева (молодой офицер прибывает на Дальний Восток десятилетием позже Чехова и останется здесь навсегда). «Остров Сахалин», снабжённый автором подзаголовком «Из путевых записок», – настоящая энциклопедия Дальнего Востока: природа, «инородцы», история, статистика, личные эмоции когда очарованного, а когда и шокированного горожанина-европейца. Тот сплав документализма и лиричности, который станет

ИМЕНА И ДАТЫ

основой арсеньевского таёжного нон-фикшна. В отличие от Арсеньева Чехов – только наблюдатель, но пересечения между ними иногда поразительны. Вот лишь один пример – как Чехов развенчивает миф об «исконно японском» Сахалине: «Многие, в том числе Невельской, сомневались, что Южный Сахалин принадлежит Японии, да и сами японцы, по-видимому, не были уверены в этом до тех пор, пока русские странным поведением не внушили им, что Южный Сахалин в самом деле японская земля. Впервые японцы появились на юге Сахалина лишь в начале этого (то есть XIX – В. А.) столетия, но не раньше... Вообще во всей этой сахалинской истории японцы, люди ловкие, подвижные и хитрые, вели себя как-то нерешительно и вяло, что можно объяснить только тем, что у них было так же мало уверенности в своём праве, как и у русских...». Ровно то же писал Арсеньев о Приморье и китайцах: «Вопреки весьма распространённому, но ни на чём не основанному мнению, что китайцы будто бы владели Уссурийским краем с незапамятных времён, совершенно ясно можно доказать противное: китайцы в Уссурийском крае появились весьма недавно». И дальше: «Амурский... край китайцы почти совсем не знали, и только появление в этой стране русских заставило их обратить на неё своё внимание. Уссурийский же край находился в стороне, и о нём китайцы знали ещё меньше..., пока не появились Невельской и Завойко...» («Китайцы в Уссурийском крае»).

И Чехов, и Арсеньев выступали в вопросе российской принадлежности дальневосточных территорий как ярые империалисты. А где Чехов проявлял недостаточно великодержавной убеждённости – там его уважительно, но твёрдо поправляли позднесоветские комментаторы. Например, так: «Советскими учёными... сделан бесспорный вывод, что Сахалин и Курильские острова принадлежат нашей Родине по праву первооткрытия, первоисследования, первозаселения и первоприсоединения» (сахалинское издание «Острова...» 1980 года).

Центром интереса Чехова, тем не менее, была всё-таки каторга. После по-настоящему страшных книг Шаламова и других авторов XX века чеховский Сахалин кажется не адом, а чуть ли не курортом – но это мы отсюда, из нашего времени говорим. А тогда гуманист Чехов совершенно серьёзно заявлял: «Я глубоко убеждён, что через 50-100 лет на пожизненность наших наказаний будут смотреть с тем же недоумением и чувством неловкости, с каким мы теперь смотрим на рвание ноздрей или лишение пальца на левой руке». Критикуя сахалинские порядки, Чехов вместе с тем признавал, что «Мёртвого дома» уже нет, «возвращение прошлого уже невозможно...».

Оказалось – возможно. Деталь, что называется, в тему: художник Осип Браз – автор известного чеховского портрета 1898 года – в 1924-м угодил на Соловки; вот как тесно всё в нашей истории взаимопронизано.

Поначалу Чехов собирался ехать на Сахалин вместе с художником И.И. Левитаном. Тот не смог – а иначе были бы у книги левитановские иллюстрации, и только вместе с ними мы бы воспринимали теперь чеховский текст.

Остров: «Тяжело и скучно»

«Остров Сахалин» – книжка очень плотная и связанная множеством нитей с целым рядом событий, людей и тем. Смыслообразующая – и незаслуженно попавшая в тень, но при этом бесспорно живая. В каждую новую эпоху она прочитывается по-новому, взаимодействуя с меняющейся реальностью и эволюционирующим читательским сознанием.

Читать «Сахалин» нужно в связке с очерками «Из Сибири», написанными по пути на остров. Эти очерки начинаются примечательным диалогом с возницей, как будто задающим тон всему последующему:

– Отчего у вас в Сибири так холодно?

– Богу так угодно!

Дальше, уже на Сахалине, Чехов не устаёт пугать читателя местным климатом. Например: «Сильные морозы зимою и сырость

ИМЕНА И ДАТЫ

в течение всего года в Александровске ставят чернорабочего в положение иной раз едва выносимое, какого он при той же работе, например при обыкновенной рубке дров, не испытал бы в России». Или: «Про Сахалин... говорят, что климата здесь нет, а есть дурная погода, и что этот остров – самое ненастное место в России». Ещё: «Такая погода располагает к угнетающим мыслям и унылому пьянству»...

Угнетающим мыслям поддался и сам Чехов, которому трудно было считать тогдашний Дальний Восток полноценной Россией: «...Боже мой, как далека здешняя жизнь от России! Начиная с балыка из кеты, которым закусывают здесь водку, и кончая разговорами, во всём чувствуется что-то своё собственное, не русское. Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где-то в Патагонии или Техасе... Мне всё время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны, наша история скучна, и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами».

В обыденной речи с противопоставлением Дальнего Востока и России можно столкнуться до сих пор, но теперь оно имеет чисто географический смысл и используется для удобства – чтобы не добавлять каждый раз «остальная» или «центральная Россия» (тем более что центральная Россия, строго говоря, – это Сибирь). Культурной пропасти, о которой говорит Чехов, давно нет. За минувший век с лишним страна стала более или менее однородной, хотя со стороны, пока не погрузишься, в это бывает непросто поверить.

О Сибири и Дальнем Востоке Чехов порой говорит со страхом и даже брезгливостью, как какой-нибудь маркиз де Кюстин. Местная интеллигенция «от утра до ночи пьёт водку», причём «неизящно, грубо и глупо» (ладно бы пила умно). Местные женщины «жёстки на ощупь» – это едко припомнят Чехову владивостокские фельетонисты (интересно, что здесь Чехов предвосхитил сатирика Михаила Задорнова, нелестно отозвавшегося о владивостокских женщинах и получившего за это

сполна – так что больше во Владивосток он не ездит). О Николаевске-на-Амуре Чехов пишет, что единственное светлое место в истории города – само его основание. «Обыватели ведут сонную, пьяную жизнь... Пробавляются поставками рыбы на Сахалин, золотым хищничеством, эксплуатацией инородцев». Контрабандисты не скрывают своей профессии. Нравственность здесь – «какая-то особенная, не наша».

На Сахалине Чехову рассказали такую легенду: «Когда русские заняли остров и затем стали обижать гиляков, то гиляцкий шаман проклял Сахалин и предсказал, что из него не выйдет никакого толку.

– Так оно и вышло, – вздохнул доктор».

Писателя сразу предупредили: жить на острове «тяжело и скучно», отсюда все бегут – «и каторжные, и поселенцы, и чиновники». Удивительно актуальное наблюдение: потом были различные «призывы», Сахалин активно заселялся, но к концу XX века мы вернулись к чеховскому статус-кво. Отсюда по-прежнему бегут, хотя нынешний Сахалин – место куда более комфортное и живое, не говоря о том, что сказочно красивое.

Уже при Чехове жители Сахалина считали обетованной землёй расположенное к юго-западу от острова Приморье – «Южно-Уссурийский край». Сейчас население бежит и из Приморья: за последние два с небольшим десятилетия край (без войн и гуманитарных катастроф) потерял 300-400 тысяч человек, то есть более 15% жителей. Но, конечно, по сравнению с остальным Дальним Востоком Приморье и теперь остаётся благодатным регионом: юг, тёплое летом море, наличие какой-никакой работы, элементарных дорог...

Транспортные тарифы, указывает Чехов, на Сахалине неимоверно высоки, а пароходы разгружаются «томительно долго», причём это – «горькая участь всех наших восточных портов». Звучит очень современно, особенно в контексте превращения Владивостока в «свободный порт».

ИМЕНА И ДАТЫ

На острове свирепствует туберкулёз, причём Чехов – врач по профессии – называет причинами здешней чахотки не только климат и лишения, но и «тоску по родине».

Даже красоты природы не перебивают общего угнетающего ощущения: «Предубеждение против места засело так глубоко, что не только на людей, но даже на растения смотришь с сожалением, что они растут именно здесь, а не в другом месте». Или: «Послушать каторжных, то какое счастье, какая радость жить у себя на родине! О Сахалине, о здешней земле, людях, деревьях, о климате говорят с презрительным смехом, отвращением и досадой, а в России всё прекрасно и упоительно». Это – к вопросу о психологии и современных дальневосточников, многие из которых стремятся поскорее уехать, хотя не всегда можно понять почему.

Чехов, впрочем, нашёл важные слова – «предубеждение против места». Вот оно. Очень мудрое замечание.

То ли со времён Чехова многие черты дальневосточной жизни не изменились, то ли он сам запрограммировал здешнее будущее в своей книге-матрице.

Каторга: «Особенных беспорядков не замечается»

Зарождение сахалинской каторги относят к 60-м и даже 50-м годам XIX века. Став русским, Сахалин сразу же стал каторжным. Тому были причины. Надо было, во-первых, осваивать, обживать остров, во-вторых, развивать экономику (начали с добычи угля). Избранный курс ускорил развитие восточных окраин, но одновременно наложил на Сахалин каторжное клеймо, которое пришлось долго изживать (если оно вообще изжито). В этом смысле чеховский Сахалин – прообраз Дальстроя, титанической административно-хозяйственной структуры со своими законами, существовавшей в 1930-е-1950-е.

Необходимость осваивать Сахалин неизбежно влияла на черты каторжной жизни. «Когда наказание, помимо своих прямых целей – мщения, устрашения или исправления, задаётся ещё другими, например колонизационными целями, то оно по

необходимости должно постоянно приспосабливаться к потребностям колонии и идти на уступки», – пишет об этом Чехов.

И действительно – приспособлялось. Каторжане получали серьёзные послабления. «Исправляющимся» позволяли «жить вне тюрьмы, строить себе дома, вступать в брак и иметь деньги» – по сути, не каторга, а ссылка. В 1888 году приамурский генерал-губернатор разрешил и вовсе освобождать «трудолюбивых и доброго поведения» каторжных до срока. При Чехове уже «четверть всего состава ссыльнокаторжных живёт вне тюрьмы», причём «особенных беспорядков не замечается». «Каторжные и поселенцы, за немногими исключениями, ходят по улицам свободно, без кандалов и без конвоя, и встречаются на каждом шагу толпами и в одиночку. Они во дворе и в доме, потому что они кучера, сторожа, повара, кухарки и няньки, – свидетельствует Чехов. – Такая близость в первое время с непривычки смущает и приводит в недоумение. Идешь мимо какой-нибудь постройки, тут каторжные с топорами, пилами и молотками. А ну, думаешь, размахнется и трахнет!».

В целом каторжный Сахалин достаточно открыт (литератор всюду ходит, ему не чинят препятствий – напротив, помогают) и, не боимся этого слова, даже гуманен. По-настоящему угнетает в

ИМЕНА И ДАТЫ

книге разве что сцена телесного наказания, при котором присутствовал Чехов.

После отбытия срока каторжных переводили в поселенцы (с условием жить здесь же, на острове), а спустя ещё 10 лет они могли стать крестьянами. «Крестьянин из ссыльных может оставить Сахалин и водвориться, где пожелает, по всей Сибири...» – пояснял Чехов. Характерно, что новообращённые крестьяне сразу же собирались уезжать – хоть куда, лишь бы не оставаться на Сахалине.

С другой стороны, пишет Чехов, поселенцам нередко приходилось труднее, чем каторжанам. «На новое место, обыкновенно болотистое и покрытое лесом, поселенец является, имея с собой только плотничий топор, пилу и лопату. Он рубит лес, корчует, роет канавы, чтобы осушить место, и всё время, пока идут эти подготовительные работы, живёт под открытым небом, на сырой земле... Многие изнемогают, падают духом и покидают свои недостроенные дома. Манзы (местные китайцы – В. А.) и кавказцы, не умеющие строить русских изб, обыкновенно бегут в первый же год».

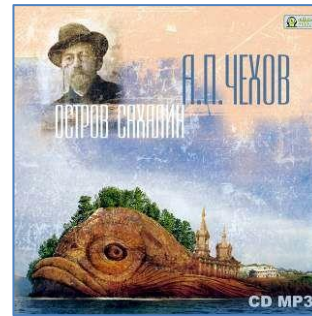
Чехова интересовали быт, рутина, повседневность каторжного Сахалина. Он, похоже, намеренно избегал любой детективной занимательности. Взять хотя бы знаменитую Соньку Золотую Ручку (Софью Блювштейн), встреченную здесь писателем, или драматическую судьбу офицера Карла Ландсберга, о котором уже в наши дни напишет приключенческий роман сахалинец Вячеслав Каликинский, – нет, Чехов фокусировался не на ярких личностях, а на каждодневной действительности. Брал для документальной книги не исключительное, а характерное. Берёг исключительное для других – художественных вещей? Может быть. Но в любом случае полностью материал не использовал – не успел или не захотел.

Последствия: «Всё просахалинено»

Это не значит, что сахалинские впечатления в последующих текстах Чехова не отразились – разумеется, отразились. О влиянии

каторги на его творчество написано столько, что нет смысла оригинальничать, так что будем лаконичны.

Да, на Сахалин ехал не Антоша Чехонте, а серьёзный сложившийся автор со «Степью» и «Ивановым» за плечами. Но всё-таки по-настоящему зрелый Чехов сформирован после Сахалина – и во многом именно Сахалином.

Наиболее явно дальневосточные мотивы проявились в рассказах «Гусев», «В ссылке». Судьба встреченного Чеховым на Сахалине (не названного по фамилии, потому что – «политический», народоволец) ссыльного Ивана Ювачёва – отца Даниила Хармса! – угадывается в «Рассказе неизвестного человека». В ряде произведений – «Палата №6», «Бабы»... – появляются темы неволи, несправедного суда, преступления и наказания. Сахалин напоминает о себе то открыто, то между строк. Вот, скажем, фон Корен из «Дуэли» собирается на Дальний Восток – а сама идея повести, говорят, была подсказана Чехову владивостокским городским головой Маковским...

Сложно решить – Чехов дал больше Сахалину или Сахалин Чехову. Он не написал большой и по-настоящему сахалинской художественной вещи, но косвенно Сахалин повлиял на всё, что написано после. «А ведь, кажется, – всё просахалинено», – формулировка самого Чехова.

Дело тут не в одном Сахалине.

Один из главных смыслов чеховского подвига – в другом: не нужно замыкаться на столицах, нужно пройти и увидеть всю огромную страну до самого края. Не рвитесь на тайские курорты, не прячьтесь в башнях из слоновой кости – отправляйтесь «в поля», изучайте Россию. Потом-то, на обратном пути, Чехов посетил все Сингапуры и Цейлоны, но кто это помнит и кому это важно – важен только Сахалин. Чехов выступает проповедником внутреннего туризма, причём туризма не развлекательного, а гуманитарного и духовного.

ИМЕНА И ДАТЫ

Не скажешь, что этот мессидж усвоили «массы». Все по-прежнему стремятся в столицы, из столиц – в заграницы, а «творческие командировки» «на места» – это отнюдь не чеховское погружение в Дальний Восток.

И всё-таки Чехов «откупорил» Сахалин. Сюда потянулись учёные, чиновники, писатели (в 1897 году приехал Влас Дорошевич – и он-то как раз написал подробно и про Золотую Ручку, и про Ландсберга, и про остальных). Россия почувствовала Сахалин своим важным органом, он прирос к её телу. И хотя был наполовину отсечён в 1905-м – после первой войны с Японией – но вновь пришит в 1945-м.

«Остров Сахалин» повлиял не только на русскую словесность, но и на японскую. В 2003 году писатель и переводчик Дмитрий Коваленин пригласил на Сахалин Харуки Мураками, которого он же и открыл русскому читателю. Позже Коваленин рассказывал: «Проходит время, и в романе «1Q84» нивхи (они же гиляки, коренные сахалинцы – В. А.) возникают как одна из тем! И всю дорогу – цитаты из «Острова Сахалин». Тогда Мураками всё путешествие, всё свободное время читал на японском «Остров Сахалин». Все куски о гиляках оттуда вынуты и вставлены в эту книгу под очень интересным углом... Это нельзя назвать плагиатом, он это использует как одну из красок на своём полотне, получается интересный микс».

Сахалин сегодня: Чехов как персональный магнит

У Дальнего Востока немного литературных брендов. Фадеев и Арсеньев у Приморья, тот же Арсеньев и Николай Задорнов у Хабаровска, Рытхэу и Куваев у Чукотки, Шаламов и Мифтахутдинов – у Магадана... Дальний Восток, занимающий по площади треть страны, похож на архипелаг. Слишком далеки даже друг от друга, слишком малы и немногочисленны здешние человеческие поселения и слишком мало между ними дорог. Наиболее адекватный образ для понимания Дальнего Востока – Курилы. Характерная фигура речи – выражение «на материк», используемое здесь отнюдь не только островитянами.

...Недавно побывал на Сахалине. Здесь всё – имени Чехова, даже в книжном нашёл четыре различных издания «Сахалина». В Александровске-Сахалинском – бывшем посту Александровском, где писатель впервые ступил на сахалинскую землю, – есть музей «Чехов и Сахалин». В Южно-Сахалинске – музей книги «Остров Сахалин», переехавший в 2013-м в новое здание на проспекте Мира – красивое, современное, рядом с театральным «Чехов-центром» и администрацией области. Экспозицией занялись специалисты Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) – всё серьёзно.

В сувенирных лавках – магниты на холодильник: медведи, каторжные кандалы, красная икра и – Чехов. Пошловатое соседство, но на самом деле понятное: икра и Чехов – главные русские экспортные гордости вместе с нефтью и газом. На Сахалине есть и газ, и икра, и Чехов, и в этом смысле Сахалин – квинтэссенция России. На здании областной администрации, правда, помещён полемический лозунг: «Люди – главное богатство региона». Значит, не для всех это очевидно, раз приходится напоминать?

Хорошо бы «намагнитить» и других писателей, тем самым утяжелив смысловое поле вокруг безделушек, украшающих обывательские холодильники. И туристам будет хорошо, и продавцам, и – в данном случае – Чехову, потому что это – и его продвижение. Чеховское магнитное поле не должно слабеть – пусть он притягивает.

В предсмертном письме литератору Борису Лазаревскому Чехов хвалил тихоокеанские устрицы, которые он пробовал во Владивостоке, возвращаясь с Сахалина. Писал, что хочет уже «в июле или в августе» 1904 года снова поехать на Дальний Восток – врачом на русско-японскую войну. Не успел – умер. Вернулся в Россию неживым, в вагоне с надписью «Устрицы» – только в нём имелся холодильник.